

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета
на диссертацию Смирнова Владимира Николаевича на тему:
«Влияние немецкого "романтического национализма" на русскую философию XIX века»,
представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук
по специальности 5.7.2. История философии

Актуальность представленной к защите диссертации обусловлена тем, что в последние три десятилетия национализм вновь привлёк к себе внимание общественности, так как он представляет собой ещё далеко не решённую теоретическую и практическую проблему. Аспект культурного национализма, которым, исследуя материал немецкой и русской истории философии, ограничился автор настоящего исследования, отнюдь не сужает указанной проблемы, ибо национализм, неся в себе немало природного, коренится не в природе самой по себе, взятой изолированно, а в феноменологическом развитии человеческого духа, который постепенно и с большим трудом изживает свою природность. Особую актуальность диссертации придаёт тематическое исследование связи немецкой и русской культур, дающее В. Н. Смирнову возможность подняться над распространённым даже в академической среде превратным представлением об абстрактной противоположности взглядов отечественных «славянофилов» и «западников», почвенников и либералов не только XIX, но и XXI века.

Обстоятельное выявление и прослеживание этой исторической связи, представленной в лицах немецких и русских мыслителей и публицистов, в ходе чего автор диссертации делает множество новых интересных замечаний, составляет её основное достоинство. Владимир Николаевич сумел убедительно показать идейное родство русского романтизма с немецким по трём главным пунктам – идеям космополитической всечеловечности, истинного христианства и органической природы народности, нации и национального государства. Здесь к месту сказать о внутренней и внешней форме содержания выставленной на защиту работы. Исследование в целом логически выверено и внятно изложено, а все положения диссертации, в том числе находящиеся в конце первой её главы и в её заключении выводы, самостоятельно сделанные автором, настолько четко и корректно сформулированы, что у меня как эксперта не возникло никаких сомнений в их адекватности, обоснованности и научной значимости.

В первой главе диссертации автор, опираясь на первоисточники и источники, большая часть которых не переведена на русский язык, комплексно исследовал исторические предпосылки возникновения немецкого романтизма и немецкого *романтического национализма*, название которого я, в отличие от него, в кавычки брать не буду, так как это словосочетание, на мой взгляд, без всякой условности выражает характер исследуемого духовного феномена. Владимир Николаевич вскрыл истоки национального своеобразия немецкого романтизма и романтического национализма, обнаружив их в определённых чертах Реформации и немецкого Просвещения, в прагматической антропологии Канта и связанной с нею философии истории Гердера. Последняя, согласно Смирнову, сильнее других факторов повлияла на возникновение литературно-философского движения *Sturm und Drang* как питательной среды

зарождения немецкого романтизма. На мой взгляд, Владимир Николаевич весьма убедительно продемонстрировал, что немецкий романтизм стал своеобразным концентратом достоинств и недостатков всей немецкой культуры, а потому наряду с немецкой классической философией – одним из двух самых влиятельных её факторов за пределами Германии, включая Россию. Столь же убедительно он показал, что философским основанием немецкого романтизма был натурфилософский космополитизм, выросший из философских исканий Шеллинга и философии религии Шлейермахера. Кроме них, по верному указанию Владимира Николаевича, теоретическими предпосылками немецкого романтического национализма послужили «Замкнутое торговое государство» и «Речи к немецкой нации» Фихте (я не могу не сказать, что в этом качестве они выступили *вопреки* антинационалистическим убеждениям их создателя), а также работы Новалиса, Баадера и историческая школа права Савиньи.

Во второй главе своей диссертации Владимир Николаевич прослеживает влияние немецкого предромантизма и романтизма на главные направления русской мысли XIX столетия, которыми он считает национально-консервативное, религиозно-философское и радикально-либеральное. Он пронизательно не противопоставляет друг другу первое и третье направления несмотря на то, что их представители часто и иногда довольно громко спорили между собой. Напротив, он совершенно правильно связывает возникновение в России обеих соперничающих версий национального патриотизма (версий «Беседы» Державина и Шишкова и «Арзамаса» Карамзина и Уварова), питавших появление русского романтизма, с открытием отечественной истории в трудах Татищева, Щербатова и Карамзина и войной 1812 года. Эта война получила от «русской партии», возобладавшей при нашем императорском дворе, имя Отечественной войны, восходящее к немецким романтикам, вдохновенно воспевавшим свой *Vaterland* как Отечество немецкого языка и культуры, равно как и войну за его освобождение от Наполеона, представителя чуждого и враждебного ему зарубежья. Рассмотрев эти обстоятельства, автор диссертации делает важное заключение, что «политический романтизм возник в России раньше романтизма философского» (с. 106), в отличие, добавлю, от Германии, ибо русский народ не сентиментален, как немцы, и к тому же гораздо раньше их дорос до своего политического единства. Философски же наш романтизм расцвёл в указанных обстоятельствах (благодаря трудам русских шеллингианцев Велланского и Галича) в «Обществе любителей» Одоевского и Веневитинова. С названным обществом были связаны и основоположники «славянофильства» А. С. Хомяков, И. В. Киреевский и А. И. Кошелев вместе с идеологами официального русского консерватизма М. П. Погодиным и С. П. Шевырёвым, и (через кружки Н. В. Станкевича и Т. Н. Грановского) виднейшие русские «западники» и либералы, в том числе М. А. Бакунин, В. Г. Белинский, Н. П. Огарёв, А. И. Герцен и Б. Н. Чичерин. Автор диссертации правильно не прошёл мимо *немецкого следа* в декабризме, представленного в лицах В. К. Кюхельбекера, А. А. Бестужева-Марлинского и Н. И. Тургенева, хотя в целом, конечно, декабризм, по его замечанию, был ориентирован на французскую культуру. Интересный параграф исследования посвящён раскрытию того, как диалектика национального и универсального в виде диалектики русской идеи и идеи европейской прокладывала себе дорогу в полемике Ивана Киреевского с Петром Чаадаевым, причём почвой этой полемики было романтическое мировоззрение обоих.

Оно же, убедительно показывает Владимир Николаевич, вдохновляло Фёдора Тютчева, который на основе своего романтического мировоззрения выдвинул политическую программу европейской экспансии России. Доказанным можно считать и то оригинальное положение диссертации, что почвенничество Аполлона Григорьева и Фёдора Достоевского на том же романтической основании сочетало в себе «западничество» и «славянофильство», результатом чего выступило известное представление о всемирной отзывчивости духа настоящего русского европейца Александра Пушкина и о том, что исторической задачей России является реализация идеи Европы, т.е. создание высокой национально-народной культуры, что гниющей Европе уже не по силам. Эвристический потенциал обращения автора диссертации к связи русской культуры с немецкой выразительно раскрылся и в том положении, что именно эта связь стала основой синтеза «славянофильства» и либерализма в мировоззрении Тимофея Грановского. Он вслед за Иваном Киреевским не доктринерски усвоил достижения различных представителей немецкой классической философии, отчего синтетическое мировоззрение Грановского повлияло на мировоззрение Бориса Чичерина, чья деятельность именно поэтому парадоксально сочетала в себе либеральные и консервативные черты.

Моя общая положительная оценка диссертации, позволяющая мне квалифицировать диссертацию, представленную В. Н. Смирновым, как вклад в решение актуальной задачи, относящейся к области истории философии как науки и, сверх того, к истории европейской и отечественной культуры, не исключает, как полагается по процедуре защиты, критических замечаний, которые, надеюсь, будут её автору небесполезны, особенно если он не собирается ограничить свою научную карьеру приобретением кандидатской степени.

Главный недостаток обсуждаемой работы является, на мой взгляд, оборотной стороной её главного достоинства, чем, разумеется, в немалой степени оправдывается. Он состоит в преимущественно *историческом* подходе к исследуемым феноменам духа, который, с одной стороны, позволил её автору охватить в работе весьма объёмный и далеко не простой исторический материал, но, с другой стороны, несколько ослабил её философский характер, требующий, например, авторского определения сущности романтизма, национализма и романтического национализма как духовных явлений, чего в диссертации я не нашёл. Если же автор согласен с определениями сущности этих явлений другими исследователями, то эти определения ему следовало бы привести, ибо фигура умолчания по этому вопросу, немаловажному для диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук, на мой взгляд, некорректна.

В связи со сделанным критическим замечанием находятся два других, тоже относящихся к целому диссертации. Первое из них состоит в том, что определение *влияние*, вынесенное в заглавие работы, требует не только установления самого *факта* влияния немецкого романтического национализма на русскую философию, в чём Владимир Николаевич преуспел, но и выяснения *основания* этого фактического влияния. Нельзя не признать, что автор диссертации правильно указывает исторические причины в целом благотворного влияния немецкой культуры на русскую и абсолютно верно определяет характер его восприятия со стороны русской культуры, но философского раскрытия единого основания действенности этого множества причин он, по моим наблюдениям, не даёт. Второе замечание. Владимир Николаевич часто пишет о

романтических, националистических и других *тенденциях*, но при этом бросается в глаза, что он никогда не указывает того, к чему эти тенденции ведут. Однако без раскрытия цели, или направления действия тенденции указанный термин не становится инструментом научного исследования, оставаясь лишь тавтологическим оборотом речи.

После сказанного остаётся указать только на три частных недостатка.

На с. 47 впервые встречается не раз повторяющийся в работе приём: вместо цитаты из самого Гегеля Владимир Николаевич приводит слова Гегеля о Фихте и Шеллинге по книге А. В. Гулыги, а позицию Шеллинга он излагает почему-то не своими словами, а словами Б. Н. Чичерина, хотя цитировать одного автора и излагать его точку зрения с помощью произведений другого в научной работе позволительно, на мой взгляд, лишь в случае недоступности первоисточника.

На с. 60 Владимир Николаевич утверждает, что свои речи к немецкой нации Фихте «прочитал в Берлине 13 декабря 1807 года». Скорее всего, Фихте как прекрасный оратор тогда лишь *начал* их произносить, поскольку объём его четырнадцати речей слишком велик, чтобы он мог уложиться в один день.

На с. 123 автор диссертации пишет: «В сущности, представление о том, что народ и страна может иметь мировое значение и должны сказать свое слово во всемирном историческом процессе, является, пожалуй, решающим признаком романтического национализма». Полагаю, что в этом довольно спорном, как бы его ни трактовать, положении отозвался основной недостаток работы – отсутствие в ней авторских определений романтизма, национализма и романтического национализма.

На основании вышеизложенного заключаю, что диссертация Владимира Николаевича Смирнова на тему: «Влияние немецкого "романтического национализма" на русскую философию XIX века» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель Смирнов Владимир Николаевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры истории философии
Института философии СПбГУ

Муравьев А. Н.

05 декабря 2021 года